

Визит Суворова на завод

В июле месяце 1792 года, по окончании неприязненных военных действий между Россией и Швецией, победоносный герой, увенчанный мирными лаврами, Суворов возвращался из Финляндии в Петербург. Командир Сестрорецкого завода, узнавши об этом, заранее ожидал его на станции по главному пути между Сестрорецком и Выборгским почтовым трактом. Кто был уже знаком со странностями характера и причудливым отращиванием Суворова ото всех церемониальных почестей, тот вперед мог угадывать, что все особенные приготовления к встрече такого знаменитого гостя останутся без внимания; последствия доказали это на опыте. Суворов за несколько верст от Сестрорецка отпустил свой экипаж со свитой в Петербург, и в солдатской егерской шинели, на чухонской таратайке в одну лошадь, по проселочной дороге – прямо в завод, не обративши на себя должного внимания чиновников.

Верховой, посланный из завода, возвратился с решительным известием, что княжеский экипаж проехал по Выборгской дороге прямо в столицу; из этого все чиновники заключили, что князь, вероятно, вовсе не желал быть в Сестрорецке, и преспокойно разошлись по домам. Суворов же, по костюму принятый оружейниками за частное лицо, случайно проходящее чрез заводское селение; совершенно удовлетворил свое любопытство при обзоре заводских фабрик, которые были тогда в полном действии. Участвуя собственноручно в отделке некоторых оружейных вещей, он, между прочим, расспрашивал мастеровых о домашнем их житье-бытье и в продолжение часа, пользуясь словоохотливой откровенностью их, уже знал почти всю подноготную по разным частям быта Сестрорецкого. Смотря на отделку штыков, Суворов, не раз потирая руки от удовольствия, говорил:

– Помилуй Бог, как штыки остры, – люблю сердцу! Прочее все дрянно!

При выходе его из завода главный мастер неизвестно от кого узнал, что этот *забавный балагур служивый* (как прозвали его оружейники во время осмотра) был ожидаемый князь, и с должною почтительностью предложил Суворову пожаловать в приготовленную уже для него квартиру, показывая на двухэтажный командирский дом; но Суворов, зажмуря глаза, отвечал ему:

– Помилуй, пощади: так высоко жить – голова закружится; пойдем лучше к тебе обедать! – и почти бегом, припрыгивая с ноги на ногу, пустился вслед за мастером, который хотел предупредить в доме своем о неожиданном посещении такого важного и незваного гостя.

Лишь только Суворов вошел в комнату, как, обратившись к хозяйке, спросил скороговоркой:

– Нет ли у тебя в доме кого-нибудь больше меня?

Та в испуге и торопливости не зная, что сказать ему на такой загадочный вопрос, но он, не дождавшись ответа, уже успел осмотреть все уголки в доме и, с удовольствием похлопывая в ладоши, ворчал про себя:

Специально сохранен стиль и язык оригинала. «Памятник искусств. Сестрорецк», СПб, 1843. Редакция считает целесообразным не менять старинного стиля источника, «дабы сохранить аромат эпохи».

– Раздолье! Ребят-крикунов нет, стало быть, можно есть и спать покойно, сколь душе угодно!

Потом присел к обеденному столу и с аппетитом опорожнил два блюда поданных ему горячих щей с говядиной и крошеным сырым луком, а в заключение обеда – полную тарелку кислого молока с черным хлебом. Вставая из-за стола, он пожалел, что не случилось при этом крутой гречневой каши, и удивлялся тому, что на столе не было селедков, которые он привык встречать за чухонским обедом по всей Финляндии; после этого, чувствуя от дороги усталость, прилегло отдохнуть на разостланной по лавке походной шинели, положивши под голову сапоги и шляпу.

В это время командир завода, с рассвета дня ожидавший Суворова на станции верст за 10 от Сестрорецка, встретил, наконец, остановившийся для смены лошадей княжеский экипаж и просил вышедшего из кареты адъютанта доложить князю, по усмотрению Сестрорецкого оружейного завода; но каково было изумление его и даже страх, когда ему сказали, что Суворов, вероятно, уже успел осмотреть весь завод, отправившись туда более двух часов раньше этой встречи. Командир стремглав поскакал в завод; обежал все фабрики, спрашивая каждого встретившегося мастерового: не видел ли кто князя, и где он остановился? Но, не получив ни от кого решительного ответа, оставался в отчаянном расстройстве духа, посреди вновь собранных чиновников, тоже объятых паническим страхом от такой неожиданной вести. Суворов, ложась спать после обеда, строго приказал хозяину не отлучаться куда из дома и не объявлять никому о его прибытии; но жена мастера прежде этого за тайну поделилась с соседками о своем госте – инкогнито, – и чрез полчаса весь женский люд, от одного конца селения и до другого, судил и рядил, всякий по своему, о последствиях такого странного события, возмущившего до дна тихую прозябательную жизнь чиновников. Наконец, судьба сжалилась над страждущими заводскими властями, шепнув через кого-то командиру о местопребывании Суворова, и он, как испуганный,

бросился с рапортом в квартиру князя. Суворов, только что проснувшись, внимательно ощипывал для своего десерта рябину с дерева, растущего под самым окошком дома; хозяин доложил ему, что командир завода ожидает позволения явиться к нему с рапортом, но он, жалея, что рябина еще не созрела, с насмешкою сказал:

– Ты видишь, мне теперь некогда, занят важным делом! – и свидание отложил до завтра.

Вечером вместе с хозяином отправился пешком в Дубовую рощу, где на развалинах дворца пробыл более часа, любуясь картинными окрестностями Финского залива и беседуя с хозяином как старожилым сестрорецким о времени основания завода и сценах войны со Швецией, бывшей в 1741 году. Потом, выкупавшись в Финском заливе, поздно возвратился в квартиру. На другой день с восходом солнца князь по привычке окачивался водой и был очень рад, слыша из рассказов хозяина, что все воды в окрестностях сестрорецких более или менее имеют железистые свойства и давно известны своею целительностью преимущественно против истощения сил и старческой дряхлости; при этом, для придачи отзывам пущей достоверности, исчислены были бесчисленные примеры помолодевших стариков и пополневших жертв чахотки единственно от живительности этих вод. После того Суворов бродил по окрестностям заводским, с любопытством обращая свое внимание на те, которые во время военных действий служили оборонительными пунктами против неприятеля. На третий день, с утренним рассветом, князь тотчас после купания, щедро наградив хозяина за квартиру, отправился в Петербург на той же двухколесной таратайке, на которой прибыл в Сестрорецк. Командир завода, не выдавший Суворова во все время пребывания его в заводе и после, уже узнавши об отъезде его, страшился неприятных последствий за свою неудачу в должном приеме князя; но, сверх ожидания, дня через три, обрадован был, по личному ходатайству Суворова, монаршим благоволением за отличный порядок и благосостояние завода во всех отношениях.